

— Владимир Давидович, насколько для современного музыканта, ставшего практически гражданином мира, важно иметь культурные корни?

— Я никогда не отказывался от русских корней и по своей воле от них не отрывался.

— Кто вы сейчас — англичанин, русский, еврей или космополит, то есть гражданин мира?

— Конечно, я русский. Моя мама — русская, а папа — еврей. Гражданин мира — это слишком пафосно, для политических деклараций. А слово «космополит» для меня до сих пор имеет другое значение: так во времена моего детства здесь называли евреев, помните «дело врачей»? Точнее всего сказать, что я — модифицированный русский. Пока я рос в России, учился, развивался, я впитал все русское. А сегодня я пытаюсь сохранить из этого все самое ценное и впитать все самое ценное на Западе, где я живу уже почти сорок лет.

— А что для вас — самое ценное?

— Пожалуй, это... я не помню по-русски... по-английски — «tolerance»...

— А так и будет — «толерантность». В классическом русском языке для этого понятия даже нет полного аналога. Ближе всего — «терпимость».

— Ну да, вы правы... Слово «терпимость» даже звучит как-то... не очень. Так вот, толерантность и есть самое главное, что есть в западной культуре в отличие от русской.

— Владимир Давидович, вы вспомнили «дело врачей», космополитизм... Прошло уже полвека, для вас это до сих пор так чувствительно?

— Знаете, там вообще не имеют ни малейшего понятия о том, в каких психологических условиях здесь люди жили!

Вот в один день, 5 марта 1953 года, умерли два человека: Иосиф Сталин и Сергей Прокофьев — скоро будет полувековая дата. К этой дате я планирую провести в Лондоне серию концертов и дискуссий. Кроме Прокофьева, мы планируем исполнять еще произведения Шостаковича и Кабалевского. Тогда же будем рассказывать о том, как трудно было жить и работать этим композиторам.

Недавно я прочел мемуары Вано Мурадели — был потрясен его формулировкой: он написал, что горд, попав в ТАКУЮ компанию со своей оперой «Великая дружба». Вы помните то знаменитое постановление ЦК о «сумбуре вместо музыки»? Дело в том, что Сталин в то время был крайне удивлен и обижен, почему ведущие композиторы не пишут произведений о нем. И вот Мурадели в своих мемуарах пишет, что тогда готовили арест Шостаковича.

Вы смотрели фильм «Падение Берлина»? Его ставил Михаил Чиаурели, там в конце под торжественную музыку появляется Сталин, и к нему бегут народы, его приветствуя. Можно много разного говорить про это кино, и крайне интересен вопрос, насколько допустимо было с творческой точки зрения писать музыку к «Падению Берлина», но Шостакович не был арестован только благодаря тому, что написал эту музыку.

— Владимир Давидович, очень странно от вас все это слышать: даже сразу после отъезда вы ни разу не выступали с политическими декларациями! Может быть, поэтому во время советской власти вокруг вашего имени всегда присутствовала «фигура умолчания»? О вас не говорили хорошо, но и не клеймили позором как изменника...

— А я и не был «изменником», по крайней мере, в собственном понимании. Меня тогда буквально выдавили из

В течение нескольких десятилетий имя Владимира Ашкенази было в первой десятке, казалось, невосполнимых потерь русской культуры. Таких потерь, как Ростропович, Барышников, Галич, Аксенов... Я знал о нем всю свою жизнь, в первой ее половине даже не мечтая услышать его игру, довольствуясь лишь пересказами редких счастливых. А сегодня он возвращается, пусть и с британским

паспортом. Один из величайших пианистов прошлого века и, кажется, лучший из переживших в век нынешний в октябре выступит с концертом у себя на родине.

Живые глаза, мягкая, застенчивая улыбка, интересная речь... и довольно сильный английский акцент. Советский режим украл у одной шестой части суши талант Владимира Ашкенази, а у него самого — родной язык

Владимир АШКЕНАЗИ:

Я-

МОДИФИЦИРОВАННЫЙ РУССКИЙ

Один из лучших пианистов современности наконец выступит на родине, в Москве. Через три месяца (и тридцать девять лет)

СССР! Все началось в 58-м году после гастролей в Соединенных Штатах. Тогда полагалось, чтобы вместе с музыкантами на все гастролы ездили сопровождающие из КГБ, мы их называли «ангелы-хранители». Так вот, после этих гастролей мой «ангел-хранитель» по фамилии Волошин, не помню имени, написал про меня... репортаж. Он дословно обвинил меня в том, что «мне понравилась Америка». Тогда меня вызвали в специальную комиссию Министерства культуры, прочитали этот... репортаж и отменили мое турне по Германии. Я даже помню, как сказали: «Вы, Ашкенази, теперь будете играть для рабочих и крестьян!». Они это сделали «в наказание», вы понимаете? И очень удивились, когда я их поблагодарил и сказал, что на зарубежных гастролях очень утомляюсь и рад, что теперь смогу немного отдохнуть. На том заседании присутствовал некто Курпеков, секретарь комитета комсомола консерватории. Он был, как ни странно, порядочным человеком — вышел вместе со мной и долго меня успокаивал.

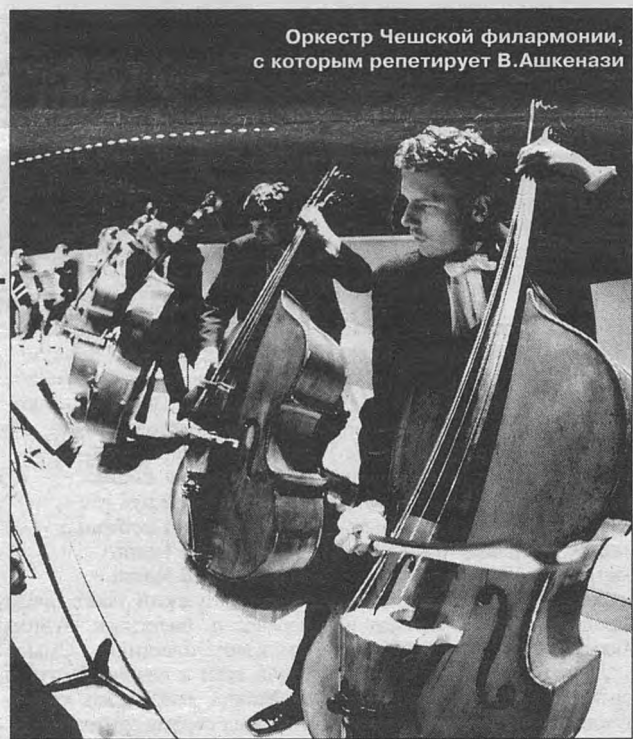
А потом произошла уж совсем фантастическая история! Дело в том, что моя жена — исландка, она тоже училась в консерватории, мы тогда только собирались пожениться. Так вот, меня как-то нашел этот Курпеков и сказал, что был в одном кабинете и случайно слышал телефонный разговор, в котором один начальник просил другого, чтобы моей будущей жене не продлевали визу! Но бюрократия и в то время была ужасной: пока эта инфор-

мация не дошла до нужного кабинета, у нас было в запасе несколько дней. В общем, она в тот же день пошла в МИД, визу ей продлили, и мы успели пожениться. Кстати, этот Курпеков был на моем концерте в 89-м году, я узнал его, представил всем и рассказал, что он для нас тогда сделал.

— А как все-таки произошел ваш отъезд?

— Когда мы поженлись, мою жену заставили принять гражданство СССР. И когда она получала новый паспорт, ей сказали: «Поздравляем вас, вы теперь — гражданка самого свободного в мире государства». В это же самое время меня не хотели выпускать на конкурс Чайковского! Впрочем, мне повезло, я выступил и разделил на нем первое место.

Тогда знаменитый импресарио Сол Юрок смог добиться, чтобы меня отпустили на гастролы в США. И вдруг случается карибский кризис 62-го года, начальники боятся лишних осложнений и заняты другими проблемами. Словом, нас выпускают, а моему «ангелу-хранителю» американцы визу не дают! В общем, фантастическая была поездка: мы с женой были одни. Вот тогда и родилась мысль: «А что, если...». Но мы вернулись, неудобно было подводить людей, которые нас выпустили. А потом у меня была поездка в Великобританию, и представляете, уже моей жене не хотели давать визу! Я собирался отказаться от гастролей, но начальники испугались неустойки, и ее выпустили. Впрочем, я даже не знаю, что больше подействова-

Оркестр Чешской филармонии, с которым репетирует В.Ашкенази

ло: денежный вопрос или политический — моя жена тогда заявила, что пойдет в посольство Исландии и возьмет обратно свое гражданство. В общем, мы все-таки поехали и уже там поняли, что больше нас могут не выпустить. И решили остаться. Все процедуры выезда тогда были очень уничижительны, вы представляете, на каком-то комитете меня однажды спрашивали, читал ли я... Ивана Денисовича!

— А вы читали?

— Нет, но только потому, что просто не смог достать, хотя очень хотел. «Один день Ивана Денисовича» я потом нашел в Великобритании, на английском языке.

— Говорят, вы впервые встретились с Солженицыным только в этот приезд в Россию, это правда?

— Да, причем именно сегодня. Дело в том, что он всегда был моим кумиром, но встретиться не получалось. Недавно я познакомился с его сыном Игнатом, вы же знаете,

он очень приличный пианист. Так вот, Игнат договорился с отцом о нашей встрече.

— И о чем вы говорили с Александром Исаевичем?

— Вы знаете... это была частная беседа, я не хотел бы ее пересказывать.

— Извините. Тогда давайте вернемся к вашему отъезду и первым годам на Западе.

— Я тогда не стал делать никаких заявлений и не отказался от советского гражданства. Я оставил советский паспорт и на каждую поездку из Великобритании в другую страну получал визы. А в Союзе не знали, к какой категории меня отнести: вроде бы и не предатель, но не возвращается. Гражданство я поменял только через много лет, чтобы удобнее было ездить по миру.

— А в октябре вы впервые будете играть в Москве после 63-го года?

— Да... Я уже приезжал сюда в 1989-м, но тогда я только дирижировал, а в этот раз буду, кроме того, и играть.

— Своих родителей за эти годы вы видели?

— Да. Видимо, «за мое хорошее поведение» в середине 70-х родителям разрешили выехать ко мне в гости.

— Ваш отец Давид Ашкенази тоже много лет был одним из самых известных пианистов в СССР. У него после вашего отъезда появились сложности?

— Как ни удивительно, никаких особых проблем не было. Ему только запретили играть на правительственных приемах, и все. Вот, правда, сестру Лену не приняли в консерваторию, хотя она играла очень прилично, но им хватило одного «перебежчика». А в «Гнесинку», оказалось, можно, ведь ничего политического я не заявлял.

— Ваш сын знает русский?

— Нет. Совсем нет.

— Так что же, все эти годы вы были лишены родного языка?

— По-русски я читал. Я понимаю, почему вы спрашиваете, у меня сейчас интонации английские, да?

— Ну немного. А какой язык у вас сегодня «рабочий» в оркестре чешской филармонии?

— Когда мы знакомились с оркестром, я их спросил, какой они предпочитают, и добавил шепотом: «По-русски, может быть, не стоит?». Они посмеялись, и теперь рабочие у нас — английский и немецкий, по-русски мы часто говорим в перерывах.

— Знаменитый рок-пианист и композитор Рик Уэйкман сказал мне, что именно концерт Владимира Ашкенази, слышанный в детстве, призвал его в музыку. Как вы к этому относитесь?

— Мне очень приятно, но я его не знаю. Я вообще никого не знаю из этой музыки.

— А где граница между «музыками»? Что — культура, а что — масс-культура?

— Не знаю, я много думаю, и пока нет ответа. Границы, наверное, тоже нет.

— Владимир Давидович, Михаил Барышников вообще ни разу не приезжал в Россию, а Ростропович очень активно участвует в нашей общественной жизни. Вам не поступало предложений куда-нибудь вступить и в чем-нибудь поучаствовать?

— Нет, никаких предложений не было. Дело в том, что для Славы это состояние органично и естественно. Славу из страны впрямую выпнали, и он стал общественной фигурой уже тогда, вот все и продолжается.

— Вы сегодня следите за тем, что происходит в мире?

— Сейчас слежу, но очень выборочно. Интересует многое, не знаю, как объяснить... Я слежу, куда идет мир и почему. Меня интересуют причины. Это относится к нашему существованию на планете, почему мы такие, почему системы разные.

— И почему же мы, русские, такие? Почему никак не становимся частью европейской цивилизации, почему замкнуты в самих себе, как японцы до позавчерашнего века?

— Это очень долгий и серьезный разговор. Камни, холмы, пространство. При этом очень легко было добывать пищу, не так, как, скажем, викингам. Но окончательно ответа у меня и здесь нет.

— Владимир Давидович, скажите, когда у пианиста работают руки, насколько включена его голова?

— У меня, надеюсь, всегда. Хотя это шутка, как и ваш вопрос. Объяснить этот процесс в принципе невозможно. Если бы я знал ответ, я был бы самым гениальным артистом... или наоборот?..

● Беседовал Сергей МИРОВ